еще тесно связана с предыдущей его частью. И здесь особенно важно, что глаголы, обозначающие движение вверх и вниз, продолжают указывать на реальное и воображаемое перемещение поэта кверху и книзу.

В этой последней части поэт прорицает, как рухнут со временем его дом и сад. Но потом он опять вдохновляется и успокаивается, когда представляет себе, как его друг, митрополит Евгений Болховитинов, с почтительностью посетит знаменитый усадебный холм в Званке:

Иль нет, Евгений! ты, быв некогда моих
Свидетель песен здесь, *взойдешь на холм тот страшный*,
Который тощих недр и сводов внутрь своих
Вождя, волхва гроб кроет мрачный ⟨ ⟩

Не зря на колесо веселых, мрачных дней,
На возвышение, на пониженье счастья,
Единой правдою меня в умах людей
Чрез Клии воскресишь согласья ⟨ ⟩

Ты слышал их, — и ты, будя твоим пером
Потомков ото сна, близ Севера столицы,
Шепнешь вслух страннику, вдали, как тихий гром
«Здесь Бога жил певец, Фелицы» (2, 644—645)

В этих строфах связь между физическим и духовным подъемом достигает художественной кульминации. Поэт ограничивает себя рамками дневного цикла, и поэтому собственное место в общей системе мироздания ему неясно. Подобно изображениям цикличных повседневных «подъемов» и «падений» поэт в вышеупомянутых строфах изображает бесконечное течение «веселых и мрачных дней» как кружение колеса или прихоти фортуны. Однако, подобно тому как сам поэт покидал «плен» столь милой ему Званской жизни, удаляясь в свой кабинет для поэтических занятий, так и Евгений, взойдя на холм, оказывается в ином временном измерении. Только тогда он избавит от забвения этот дом и сад и утраченную гармонию жизни, которая была здесь при Державине.

Особенности державинского восприятия времени и пространства проявляются еще ярче, если стихотворение «Евгению. Жизнь Званская» рассмотреть в контексте более позднего литературного события. В работе над стихотворением «Осень» (1833) А. С. Пушкин выбрал для эпиграфа следующую строку из «Жизни Званской»: «Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?». Таким образом, фраза Державина становится исходным пунктом размышлений Пушкина.

Ю. Чумаков представляет содержательный анализ пушкинского стихотворения «Осень» с учетом временно-пространственных и жанровых принципов его структуры.[8] Однако, хотя

---

[8] *Чумаков Ю. Н.* «Осень» Пушкина в аспекте структуры и жанра // Пушкинский сб. Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Псков, 1972. Т. 483. С. 29—42.